

ОТКРЫТАЯ

встреча

Приложение
к газете

38

— Первые христиане были рабами. Рабский менталитет въелся в христианство: «раб Божий», «всякая власть от Бога», «Бог терпел и нам велел» и т.п. Христианство сильно там, где крепок дух рабства: Средневековая Европа, Россия (холопы, крепостные, временнообязанные) и т.п. Дух свободы враждебен христианству?

Свящ. Георгий Кочетков: Спасибо за очень важный вопрос. Он построен, конечно, скорее, на недоразумении, но недоразумении очень распространенном и в каком-то смысле навязанном людям идеологией, господствовавшей в нашей стране прежде — возможно, сознательно искажавшей христианство и в любом случае не знавшей его. Это легко доказать, исходя из самого Вашего вопроса. Вот Вы говорите, что христианство там, где «раб Божий», «Бог терпел и нам велел», «всякая власть от Бога» и т.д. и т.п. И Вы утверждаете, что христианство сильно там, где крепок дух рабства. Я Вам должен в связи с этим дать маленькую историческую справку. Во-первых, «Бог терпел и нам велел» — это не христианское выражение, оно не встречается ни у святых отцов, ни в Священном Писании — нигде. Это то, что приписывалось христианам недоброжелателями христианства. Им казалось, что христианство таково, хотя они и знали первоначально, что они просто издеваются над христианством, говоря такие вещи. Правда, иногда в простонародье это принималось за чистую монету. И поэтому некоторые христиане могли, скажем, в поздние времена, в XIX веке, повторять эти слова, несмотря на их принципиальный диссонанс с христианской верой, христианским учением и христианским духом.

Нечто подобное надо сказать и про выражение «раб Божий». Может быть, Вы не знаете о том, что даже в таком важном месте как формула таинства крещения слова «раб Божий» — это поздняя вставка XII—XIII веков. В то время действительно стало укрепляться — отчасти под воздействием мусульманства, отчасти под воздействием того кризиса, в которое попало в то время христианство само по себе — именно такое, несколько раздвоенное и в какой-то степени рабское сознание. В древности на протяжении многих веков формула крещения звучала так: «Крещается такой-то во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь». И, повторяю, только с XII века во многих местах церковных чинопоследований вставляются слова «раб Божий». Так что это уже инородная вставка, возникшая, скорее, под влиянием социальных обстоятельств, совсем не-

ВРАЖДЕБЕН ЛИ ХРИСТИАНСТВУ ДУХ СВОБОДЫ?

На вопросы отвечает свящ. Георгий Кочетков

Сошествие во ад (фреска монастыря Хора, XIV век).
«Для свободы Христос освободил нас» (Гал. 5:1)

благоприятных для христианства. В любом случае большую часть своей истории христианство существовало без этого. Другое дело, что в Евангелии говорится: если ты сделал всё то доброе, чего от тебя ожидает Христос, то не гордись, скажи: я как раб негодный сделал то, что должен был сделать. Но это сказано в контексте борьбы с зазнайством, с гордыней, и это совсем иное.

Хотя буквально выражение «всякая власть от Бога» принадлежит апостолу Павлу, но оно тоже очень по-разному интерпретировалось в истории. Только к XX веку, в советское время, стали злоупотреблять этим выражением так, что даже кагэбэшники на своих допросах стали говорить церковным людям: «Ну, вы же знаете, что всякая власть от Бога, значит, вы должны сотрудничать с нами». И, к сожалению, бывали случаи, когда люди верующие, в принципе хорошие, честные, преданные вере, основам любви, основам свободы христианского духа, действитель-

но не могли ответить и попадались на эту удочку. И всё-таки большая часть христиан на неё не попадалась. Они понимали, что апостол Павел говорил эти слова не в смысле «будьте рабами, безгласными перед лицом власти», а в смысле «не будьте анархистами, не будьте самодовлеющим началом, помните, что вы живёте в обществе и что власть нужна для установления порядка среди всех людей, и за это она достойна уважения». Этот мотив был ещё в Ветхом Завете, и именно в этом, совсем неплохом, контексте он сохранился и в Завете Новом.

Поэтому нельзя связывать дух христианства с духом рабства. Всякое желание превратить христиан в рабов есть желание негодное, уже хотя бы потому, что в одном из центральных мест Нового Завета говорится: «Где Дух Господень, там свобода». И ещё говорится: «К свободе призваны вы, братья». Это слишком серьёзные вещи для того, чтобы их можно было игнорировать. Христианской верой везде

и всегда утверждается, что Христос освободил нас от рабства тлению, безжизненности, лжи, безобразию — от рабства всему тому, что, к сожалению, всё больше и больше овладевает современными людьми. Именно отход от христианства приводит их в настоящее рабство. Помните, в каком состоянии находился советский народ с самого начала и до конца своего существования: многие по принуждению, но большинство добровольно сдались в рабство совершенно антигуманной, античеловеческой идеологии и её карательным органам. Это совершенно уничтожило личность человека и привело весь наш народ к антропологической катастрофе.

Так что дух свободы не только не враждебен христианству, наоборот, без этого духа нет Духа Господня, а без Духа Господня ни о каком христианстве всерьёз речи быть не может.

— Как Вы думаете, иметь своё мнение по любому поводу и смело его высказывать — это достоинство или недостаток? И должны ли мы стремиться иметь всегда именно своё мнение?

Свящ. Георгий Кочетков: Интересно, что с такими важнейшими, центральными в христианстве понятиями, как дух любви и свободы, связано больше всего недоразумений. Конечно, если человек свободен, он может иметь своё мнение. Но именно *может*, это совсем не значит, что *должен*. Он может (хотя тоже не обязан) его высказывать, когда считает это принципиально важным и внутренне оправданным, когда он видит, что это не приведёт к вражде, ссорам, ненависти, злобе. Но если вы видите, что ваше свободное мнение на самом деле является лишь поводом для угрождения себе, для того, чтобы самоутвердиться, тогда лучше промолчите, даже если у вас есть своё свободное, самостоятельно выработанное мнение. Потому что дух любви и дух свободы, дух братолюбия, дух веры, дух единства выше частных мнений, которые нередко бывают очень поверхностными, очень односторонними, а то и просто ложными. Надо сначала потрудиться над тем, чтобы проверить, насколько качественно ваше мнение. Очень жалкое впечатление производят люди, которые везде и всюду высказывают свои мнения, а ещё хуже — настаивают на них, не проверив свою позицию, не сверив её с волей Божьей, с откровением Истины и Любви. Такие люди сеют распри, раздоры, разделения — то, что приводит к самым страшным грехам. Не дай же нам Бог последовать примеру этих людей!

«Лилофрея, дочь короля...»

Вера была еще совсем молодым врачом. Можно сказать, начинающим. И в городской поликлинике, куда она сразу же после окончания института устроилась на должность невролога (или, как раньше называли эту профессию — невропатолога), она работала всего лишь несколько месяцев. Надо сказать, что как раз во время ее учебы в институте в стенах этого вуза произошли столь разительные и радикальные перемены, что, заикнись кто-нибудь о них еще лет десять назад, его могли бы посчитать человеком с весьма буйной фантазией, если даже не безумцем. Но, тем не менее, все произошло именно так — ректор мединститута, вероятно, желая прослыть самым прогрессивным из всех ректоров городских вузов, открыл при нем храм. Разумеется, туда был назначен и священник. Им оказался не кто иной, как о. Павел Н., известный своей, поистине апостольской, ревностью о Православии, хотя у этого мужа зрелых лет оная ревность подчас граничила с прямо-таки юношеским максимализмом. И поскольку для темпераментного о. Павла институт представлял собой, так сказать, «непаханую ниву», он со всем присущим ему пылом и тщанием принялся насаждать в нем семена Пра-

вославной веры. Благодаря ему все аудитории и практикумы были освящены, и в них появились иконы. А каждый учебный год теперь начинался и заканчивался молебном. При этом о. Павел настаивал на том, чтобы на этих молебнах присутствовали все сотрудники института, включая самого ректора. Тех же, кто пренебрегал христианским долгом, он, как говорится, «невзирая на лица и звания», публично обличал, в связи с чем иные из солидных и влиятельных преподавателей, бывшие, что называется, людьми старой закалки, относились к батюшке весьма неприязненно. Что до студентов, то во время сессий они наперебой бегали в институтский храм, чтобы поставить свечку перед иконой или заказать молебен накануне очередного экзамена. Надо сказать, что несмотря на все попытки о. Павла объяснить сим младенцам и младенцам в вере, что к экзаменам выражение «плавать» может быть применимо исключительно в переносном смысле, они, готовясь в очередной раз «тянуть билетик», все-таки неизменно заказывали молебны иконе Богородицы «Спасительница утопающих»... Правда, в промежутках «от сессии до сессии», когда, если верить старой песне, «живут студенты весело», их религиоз-

ность переживала резкий спад, что заставляло вспомнить известную русскую поговорку «пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Тем не менее, среди студентов было немало и тех, кто регулярно посещал институтский храм, а тамошнего священника считал своим духовным отцом. К их числу принадлежала и Вера, в лице которой о. Павел имел не только внимательную слушательницу его поучений и наставлений, «сохранявшую их в сердце своем», но и их послушную и усердную исполнительницу. Надо сказать, что в пестрой толпе студентов духовные дети о. Павла были заметны сразу. Потому что они выглядели совсем не так, как их одноклассники. Особенно это касалось девушек, которые носили одинаковые темные юбки почти до полу, и кофточки с длинными рукавами, чаще всего — тоже темного цвета, предпочитали скромные гладкие прически, не пользовались косметикой и не увешивали себя всевозможными звенящими-блестящими побрякушками, на которые были столь падки их неверующие сверстницы. Что до Веры, то она еще и носила на левом запястье маленькие черные четки, по которым, улучив свободную минутку, читала Иисусову молитву.

Четки она купила в Н-ском женском монастыре, куда съездила по благословению о. Павла во время летних каникул по окончании пятого курса. Надо сказать, что прежде ей никогда не приходилось бы-

вать в монастырях. Впрочем, с учетом того, что Вера крестилась всего лишь пару лет назад, это было и неудивительно. В обители она прожила две недели. Ходила на послушания, а когда удавалось — и в храм, слушала разговоры сестер и паломниц о приближении тех последних времен, когда в миру будет, как в аду, и грозные пророчества о скором приходе антихриста, который, несмотря на всю свою мощь и дерзость, все-таки не посмеет проникнуть за святые врата Н-ского монастыря. Но, хотя из всех этих откровений следовало, что будущее не сулит миру ничего хорошего, из монастыря Вера все-таки вернулась ликующей и окрыленной. Ведь, побывав там, она сприкоснулась с совсем иной, прежде неизвестной ей жизнью — тем самым равноангельным житием во Христе, о котором прежде ей доводилось лишь читать в книгах. И она радовалась, что Господь сподобил ее воочию увидеть сестер-подвижниц, проводящих такую жизнь. Хотя эту радость несколько омрачало то, что две недели в монастыре протекали слишком быстро. После чего Вере, подумывавшей было о том, чтобы остаться там навсегда, все-таки пришлось вернуться домой, в мир.

Одной из причин этого являлось то, что ей нужно было закончить институт. Хотя бы ради родителей, которые, сами будучи врачами, в свое время настояли на ее

Окончание на с. 2

поступлении туда. Тем более, что их весьма тревожили, так сказать, симптомы воцерковления дочери. А ее поездка в монастырь привела их в полное смятение. Особенно маму, которая сразу же по возвращении Веры домой заставила ее снять платок, чтобы воочию убедиться в том, что с ее волосами ничего не произошло. Потому что, зная о Церкви исключительно из фильмов и книг, она считала монашеский постриг некоей разновидностью стрижки... Впрочем, увидев дочкину косу в целостности-сохранности, мама успокоилась... Что до отца Веры, то он относился к духовным исканиям дочери более спокойно. Или, скорее, старался сохранять спокойствие. И, в отличие от мамы, он не пытался спорить с нею или переубеждать ее. Мало того — однажды именно отец прервал спор между Верой и ее мамой, произнеся загадочную фразу: «жить в обществе и быть свободным от общества — нельзя». Вера не знала, кем и когда были сказаны эти слова. Однако сердцем она почувствовала, что в них скрыта некая тайна. Или, скорее, неясная, но неотвратимая угроза для нее...

Впрочем, Вера решила не оставаться в монастыре еще и по другой причине. Незадолго до поездки туда она прочитала житие Святителя Луки (Войно-Ясенецкого). А, как известно, этот святой и исповедник недавних времен, будучи монахом, тем не менее прожил всю жизнь в миру, сочетая служение Богу и Церкви с работой хирургом. С тех пор Вера стала особенно почитать Святителя Луку. Ведь их объединяла не только Православная вера, но и профессия. И Вера загорелась желанием подражать ему. То есть служить страждущим людям, врачая их недуги. И этим подвигом своим свидетельствовать миру о Христе. Так, как это делал хирург-архиепископ Лука.

Именно поэтому, придя работать в поликлинику, Вера так стремилась показать, что она не просто врач-невролог, а именно православный врач. Она повесила в своем кабинете большую икону Божией Матери «Целительница», которой благословил ее о. Павел после получения врачебного диплома. А рядом с нею, прямо над своей головой, образ Святителя Луки. И, беседуя с больными, действительно советовала им заняться, прежде всего, исцелением своей души. То есть креститься, ходить в храм, регулярно исповедоваться и причащаться, молиться и соблюдать посты. Она стремилась убедить их, что их болезни вызваны небрежением о душе и ниспосланы Богом в наказание за греховную жизнь. Однако, к великому горю Веры, пациенты отнюдь не стремились следовать ее советам. Мало того — как-то раз, идя по коридору поликлиники, она случайно услышала обрывок разговора двух пожилых женщин, одна из которых только что вышла из ее кабинета, получив подробное наставление насчет подготовки к исповеди и пообещав в ближайшем воскресенье сходить в храм. А теперь почем зря ругала Веру, называя ее «чокнутой сектанткой» и грозясь написать жалобу главврачу на то, что он позволяет врачам вместо лечения больных заниматься «поповской пропагандой».

Вскоре над Верой действительно разразилась гроза. Заведующая отделением, вызвав ее в свой кабинет, заявила, что на нее поступают жалобы от больных, недовольных тем, что она говорит с ними о религии. А потому велела ей прекратить подобные разговоры. Вдобавок убрать из кабинета икону, поскольку это также вызывает нарекания со стороны пациентов.

Так мечты Веры свидетельствовать миру о Православии впервые столкнулись с неумолимой реальностью. Впрочем, она нашла в себе мужество перенести этот удар, вспомнив, что «...все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3, 12). И даже придумала способ оставить в кабинете икону, заменив образ «Целительницы» на репродукцию известной фрески В. Васнецова из Киевского Владимирского собора, изображающую Богоматерь с Младенцем-Христом. Теперь при необходимости Вера могла объяснить недовольным, что она просто-напросто является большой поклонницей творчества этого художника — автора «Аленушки», «Ивана-царевича на сером волке», «Богатырей» и прочих с детства знакомых каждому человеку картин. И, в итоге, остаться вне подозрений.

Но, увы, это было, как говорится, «лиха беда начало». И чем дольше Вера рабо-

тала в поликлинике, тем больше убеждалась в том, что ее прежние представления о работе врача как о подвижничестве служении страждущим так же далеки от действительности, как монастырская жизнь — от мирской. Потому что среди тех, кто являлся к ней на прием, были не только люди, действительно нуждавшиеся в помощи. Но и наглые симулянты, и озлобленные личности, которые, зная, что профессия врача обязывает Веру безропотно сносить их выходки, вымещали на ней свои обиды. Были и те, кто пытался заставить ее выполнять их желания и прихоти, угрожая, в случае неповиновения, пожаловаться на нее начальству. И хотя Вера понимала, что как православная христианка она обязана смиренно терпеть все эти обиды и оскорбления, ей все труднее и труднее было это делать. И она все больше сомневалась в правильности избранного ею пути.

Как-то к ней на прием пожаловала молодая девица. Ярko и грубо накрашенная, в дешевой, но броской на вид одежде. С этой девушкой Вере уже приходилось встречаться. Она была больна эпилепсией, и поэтому регулярно являлась к неврологу, чтобы выписать таблетки из тех, что назначаются людям, страдающим этим заболеванием. Однако на сей раз она пришла совсем по другой причине. О чем и заявила, едва переступив порог врачебного кабинета:

— Мне надо справку на аборт.

В первую минуту Вере показалось, что она ослышалась. Однако визитерша, плюхнувшись на шаткий стул и закинув ногу на ногу, повторила:

— Гинеколог велел Вам дать мне разрешение на аборт. У меня направление от него.

— Но я не смогу этого сделать, — сказала Вера.

— Это как так — не сможете? — в голосе девицы послышались недовольные нотки.

— Потому, что я — православная. А аборт — это детоубийство. Понимаете — это же страшный грех. И я, как верующая, не хочу в нем участвовать.

— Это Ваши проблемы, верующая Вы или нет, — пропедила девица, барабана по столу длинными ногтями со следами ярко-красного лака. — А справку Вы мне дать — обязаны. Я рожать не собираюсь. Тоже мне, хорош гусь нашелся — как узнал, что я от него беременна — так сразу слинял. А мне теперь, что ли, его ребенка растить прикажете? Да интересно, на какие такие деньги? Меня ведь с эпилепсией нигде на работу не берут — как узнают про припадки, сразу выгоняют... Самой жить не на что...

— Но зачем же из-за этого убивать ребенка? — пыталась урезонить ее Вера. — Ведь можно же его родить, а потом отдать в детский дом. Пусть он живет. Может, его кто-нибудь усыновит. Сейчас многие люди берут себе приемных детей...

— Еще чего! — возмутилась девица. — Сказочки все это! Я сама из детского дома — знаю, каково там жить... Нет, уж лучше я аборт сделаю... Короче, пишите справку, не то Вы меня сейчас до припадка доведете!

— Не напишу, — отрезала возмущенная Вера.

— Ах, так... — тут девица закрыла глаза и, запрокинув голову, начала дергаться. Из рта у нее показались пузырчатая струйка слюны... Это было настолько неожиданно и жутко, что Вера в полной растерянности застыла, как вкопанная. Пока не решилась протянуть руку к заходящейся в судорогах девице.

Тогда та вдруг открыла глаза. В них полыхала такая злоба, что Вера невольно отшатнулась.

— Ты не имеешь права! — истошно завизжала взбешенная девица. — Где у вас тут главный врач? Вот я сейчас к нему пойду! Ты мне все равно дашь эту справку, понял!

И она выскочила из кабинета, напоследок хлопнув дверью так, что побелка с потолка посыпалась вниз, запорошив письменный стол...

Однако, несмотря на свои угрозы, назад она не вернулась. Так что у Веры отлегло от сердца. Но на другой день медсестра, работавшая с заведующей отделением, принесла ей справку, на которой уже красовались печать и две подписи —

заведующей и заместителя главного врача по медицинской части, и попросила Веру поставить на ней третью подпись. Пробежав взглядом справку, Вера встала, и, глядя ей в глаза, заявила:

— Не подпишу.

Потому что справка эта предназначалась той самой девице, требовавшей от нее разрешение на аборт. Иначе говоря, на убийство нежеланного ею ребенка.

В тот же день Веру вызвали к заместителю главного врача по медицинской части. Иначе говоря, к начмеду. Нетрудно было догадаться, по какой причине. Равно как было понятно и то, что эта встреча не сулит ей ничего хорошего. Потому что начмед, суровая пожилая дама, держала коллектив поликлиники в ежовых рукавицах и руководила им стальной рукой. И в словах, которыми она встретила Веру, переступившую порог ее кабинета, тоже слышался металл:

— Мне сообщили, что Вы отказываетесь выполнять свои врачебные обязанности. Настоятельно рекомендую Вам серьезно обдумать свое поведение и впредь не допускать подобных выходов, недопустимых со званием врача.

— Но я вовсе не отказывалась работать, — попробовала оправдаться Вера. — Я лишь сказала, что не подпишу разрешение на аборт. Потому что я — православная...

— Разве Вам неизвестно, что существуют заболевания, при которых беременность может быть прервана по медицинским показаниям? — ледяным тоном обрвала ее начальственная дама. — К Вашему сведению, имеется приказ Минздрава № 302 от 28 декабря 1993 г., где приведен список этих заболеваний¹. И в него входят, в частности, все формы эпилепсии. Или Вы впервые слышите об этом? Как же Вы вообще можете работать врачом, не зная медицинской документации? Так что извольте внимательно ознакомиться с этим приказом и принять к сведению то, что в нем написано. Что же до Ваших религиозных предрассудков — впредь оставляйте их дома. А здесь, в поликлинике, Вы должны выполнять свои обязанности. И раз Вы работаете у нас, мы вправе требовать от Вас их неукоснительного исполнения.

...Вера знала, что когда-то Православие было гонимой верой. Хотя до поры верила, что это осталось в прошлом. И лишь сейчас ей открылось, что она стоит перед тем же самым выбором, который приходилось совершать христианам всех времен. Выбором между Божиими заповедями и волей мира сего.

Как она хотела, чтобы кто-нибудь посоветовал ей, как поступить! Или хотя бы поддержал добрым словом! Но сделать это было некому. Потому что отец Павел как раз в это время уехал в Святую Землю. А родители Веры тоже были далеко-далеко, в отпуске на Черном море. Вдобавок, поскольку они были далеки от Православия, то вряд ли смогли бы понять, почему их дочь вдруг отказалась выполнить то, что предписывал ей сделать приказ... И тут Вера вдруг вспомнила о Тане, которая во время учебы в институте была ее лучшей подругой. Хотя дружба между студентками, находящимися на разных курсах, — достаточно редкое явление. Мало того — именно Таня по благословению о. Павла стала крестной матерью Веры. И в Н-ский монастырь они тоже ездили вместе. Правда, вот уже третий год, с тех самых пор, как Таня окончила институт и стала работать врачом в престижной городской больнице, она отчего-то избегала встречаться с Верой и даже перестала звонить ей. Не понимая причину такой перемены в поведении старшей подруги, Вера не решалась докучать ей. Однако теперь она решила набраться смелости и позвонить Тане. Ведь кто, как не крестная, смог бы дать ей столь нужный сейчас совет?

С замиранием сердца она вслушивалась в гудки в телефонной трубке. Неожиданно они оборвались, и раздался голос Тани: — Алло! Что Вам нужно?

Вера вздрогнула — в голосе подруги слышалось раздражение и неприязнь. Но отступать было некуда. И она вздохнул, от волнения путая слова, принялась рассказывать Тане о происшедшем. Неожиданно та обрвала ее:

— Извини, Верунчик. Ты не могла бы позвонить мне попозже? Сейчас я так за-

нята, что мне не до твоих проблем. Пока.

После чего из трубки снова послышались гудки... А Вера бессильно опустила на пол, перед иконами, и принялась отчаянно молить Бога о вразумлении. Поэтому что больше ей не от кого было ждать ответа и совета.

Она молилась долго. Однако, похоже, что и Бог отчего-то не спешил послать ей благую мысль. И тут взгляд Веры упал на стопку старых книг, засунутых под диван. Когда-то это были ее любимые книжки, не раз читанные и перечитанные — сказки, приключения, русская классика... Но когда Вера крестилась, их место на полках заняли жития святых и творения отцов-подвижников, а прежние любимцы подверглись опале и оказались на полу под диваном, в пыли и забвении. Она машинально протянула руку к одной из книг, и наугад открыв ее, скользнула взглядом по стихотворению, напечатанному на странице.

То была старинная немецкая баллада о Лилофее, дочери короля, которую злой водяной унес в свое подводное царство. И там родила она ему семерых сыновей. Как-то раз, по слезной просьбе пленницы, водяной позволил ей повидать земной мир. Но, оказавшись вновь на земле, она не захотела возвращаться в неволю. Тогда водяной предложил ей свободу. С одним условием — они поделят между собой детей. Поделят поровну.

Я троих заберу и троих я отдам.

Но, сокровище честно деля,

Мы седьмого должны разрубить пополам,
Лилофея, дочь короля².

Но принцесса предпочла пожертвовать собой, чтобы сохранить жизнь своему ребенку:

Иль ты думал, мне сердце из камня дано?..

Ах, прощайте, леса и поля!

Чем дитя погубить, лучше канет на дно

Лилофея, дочь короля.

И тогда Вера поняла, что эта книжка попала ей в руки неспроста. Как не случайно и то, что она открылась именно на этой старинной легенде. Да, ее отец оказался прав — жить в обществе и быть свободным от него невозможно. И даже если она сменит работу, над ней все равно будет тяготеть власть приказа, разрешающего «по медицинским показаниям» убивать еще нерожденных детей, ненужных своим матерям. Ведь сколько примеров тому, когда женщины, страдающие заболеваниями, при которых показано прерывание беременности, все-таки наотрез отказывались сделать это. Даже зная, что сохранение жизни своему ребенку, при этом рискуют собственной жизнью... Так что Вере в конце концов придется покориться и выполнять приказ. Конечно, всегда можно будет найти себе оправдание в том, что ей не оставили никакого выбора. Но разве существует оправдание для греха? Да и выбор у нее есть. Как был он и у Лилофеи, дочери короля, которая сделала то, что велели ей Бог и совесть... Теперь Вере стало ясно, что последние строки старинной баллады — это и есть ответ, данный Богом на ее молитвы. И если невозможно жить в миру, не став вольной или невольной соучастницей греха, то лучше она покинет мир, нежели согласится на это.

На другой день, зайдя в поликлинику лишь для того, чтобы написать заявление о своем уходе оттуда, Вера уехала в Н-ский женский монастырь.

Монахиня Евфимия (Пашенко)

¹ Речь идет о приказе Минздрава N 302 от 28 декабря 1993 г. «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности». Справка, разрешающая это, дается клинико-экспертной комиссией (КЭК) поликлиники. Одну из трех подписей на ней ставит лечащий врач.

² Перевод Л. Гинзбурга.